

Точка
разрыва

Пугачев Максим

Максим Пугачев

Точка Разрыва

<https://litres.ru/74344729>

SelfPub; 2026

Аннотация

А что, если мир — это стопка листов, и однажды вы, не заметив, перевернули не тот? Именно это случается с героем — человеком, который давно проиграл любовь и собственную жизнь офисным ритуалам. Воскресная поездка «за город» оборачивается провалом в сломанное пространство, где живут по другому календарю, а единственный проводник — сторож, заламывающий совсем не денежную цену. Чтобы вернуться, двоим придётся вспомнить то, что они потеряли, ещё не успев осознать потерю. Только у «двоих» на это — одна попытка.

Содержание

Точка разрыва	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Максим Пугачев

Точка Разрыва

Точка разрыва

Выходные я возненавидел задолго до того, как они стали означать пустоту. Не отдых — нет, это слово слишком светлое для той липкой, фальшивой трясины, что засасывает меня каждую субботу с утра. В офисе всё прозрачно: задачи, дедлайны, и извечный враг в лице маркетинга — враг понятный, почти родной. Там я — функция. Менеджер среднего звена, безликий «Никто» в дорогой рубашке, вооружённый цинизмом вместо инстинкта самосохранения. Но стоит закрыть за собой дверь квартиры — и функция отключается. Остаётся лишь безымянное тело, которое Катя по странной привычке всё ещё называет «любимым».

Катя.

Три года. Или триста. С ней время текло по своим законам: то застывало в медовом янтаре воскресных завтраков, то гнило стремительно, как забытый под батареей фрукт. Последние полгода мы жили в эпицентре затянувшегося землетрясения. Без криков. Крик — роскошь, а наш кредит на эмоции давно исчерпан. Мы говорили шёпотом, вежливо, перебирая бытовые мелочи с холодной точностью переговорщиков, решающих судьбу двух враждебных корпораций.

— Я забронировала домик, — объявила она в четверг, глядя в монитор с прямой, как струна, спиной. Плечи напряжены — вечная готовность к удару. — Тот самый, помнишь? С панорамными окнами. Проветримся. Без телефонов.

Без телефонов. Классический манёвр выдернуть людей из

их естественной среды, швырнуть в лес, надеясь, что инстинкты воскресят угасший огонь. Я уже открыл рот для отказа — квартальный отчёт, дедлайн, мир рухнет без моего полуночного ответа клиенту, — но взгляд упал на её шею. Тонкую, незащищённую, с пульсирующей жилкой. Я кивнул.

Субботнее утро пахло озоном и неумолимостью. Наша старенькая Toyota чихала на заледенелой трассе. За окном проплывал дежурный подмосковный пейзаж: серые скелеты деревьев, грязные обочины, щиты с обещаниями рая. В салоне висела тишина — такой плотной консистенции, что её можно было резать ножом для масла.

— Музыку? — спросил я, проверяя, работает ли ещё голос.

— Как хочешь, — отозвалась она, не отрывая взгляда от дороги.

Её профиль был безупречен. Точеный нос, дерзкий подбородок, губы, некогда сводившие с ума, ныне — просто анатомический атлас. Я включил Джаз. Певец надрывно вещал о счастливой жизни. Ирония сгустилась до такой степени, что хотелось распахнуть окно и вышвырнуть его наружу, в морозный воздух.

— Расскажи что-нибудь, — попросила Катя. — Про работу. Про твоего идиота-начальника.

Я принялся заученно вещать офисную байку про коммерческого директора, пытавшегося повернуть тендер на скрепки через офшор. Голос звучал чужим, плоским — звук

из дешёвых колонок. В отражении бокового стекла я видел её кивки, но глаза оставались мёртвыми. Мы играли в семью. Дорогой, плохо срежиссированный спектакль для двух зрителей, где оба знали: сценарий — дерьмо.

А потом мир конвульсивно дёрнулся.

Не молния, не вспышка. Просто кто-то нажал кнопку пульта: щелчок — и смена кадра. Двигатель умолк, пропал гул шин, исчез стук дворников. В уши ворвался низкий, утробный вой — ветер гулял между вековых стволов.

Я распахнул глаза. Рука сжимала пустоту — руля не было. Ни сиденья, ни панели. Передо мной стеной вставал темно-зелёный, почти чёрный хвойный массив. Воздух стал колючим, минус двадцать, не меньше, и пах хвоей, снегом и чем-то древним, звериным. Ни следа бензина или выхлопа.

— Что за... — начал я и замолк.

Рядом всхлипнули — коротко, придушенно. Не плач, звук ломающейся кости. Я обернулся. Катя смотрела перед собой распахнутыми, обезумевшими глазами. Лицо цвета известки, пальцы вцепились в куртку, словно боялись рассыпаться на части.

— Где дорога? — прошептала она. Губы шевелились едва, мгновенно покрываясь инеем.

Дороги не было. Только просека, заваленная сугробами в человеческий рост. И наша машина. Вернее, то, что от неё осталось. Она торчала посреди тайги — нелепая городская жестянка цвета мокрого асфальта. Но самое жуткое: она сто-

яла на крыше. Колеса смотрели в свинцовое небо, капот смят гармошкой — хотя вокруг ни дерева, ни камня. Словно гигантская невидимая ладонь взяла нашу Toyota, перевернула и небрежно швырнула в сугроб.

Мы выбрались через пассажирскую дверь — моя оказалась заклинена искореженным металлом. Ноги провалились по колено в снег. Мороз медленно впился в горло ледяными клещами. Городские ботинки промокли насквозь.

— Миша, — Катя вцепилась в рукав. Её трясло. — Где мы?

Я молчал. Мозг — идеальный механизм для анализа маргинальности — отказывался обрабатывать данные. Файл не соответствовал расширению. Системная ошибка.

— Телефон! — выдохнул я. Полез во внутренний карман. Андроид зиял чёрным стеклом: ни сети, ни экстренного вызова. Батарея на нуле, хотя утром была полная. Часы на приборной панели нашей перевернутой машины застыли на 14:15.

Я шагнул к опушке, вглядываясь в лес. Сосны. Огромные, уходящие в низкое, давящее небо. Ели, согнутые тяжестью снега. Тишина здесь дышала — не мёртвая, а живая, хищная. Скрип промёрзшего ствола прозвучал как выстрел.

— Нужно вернуться, — выдавил я, стараясь унять дрожь в голосе. — Съехали с трассы. Ударились головой. Сейчас выйдем на дорогу...

Слова застревали в горле. На снегу не было следов шин.

Вообще никаких — кроме наших, оставленных при вылезании из машины. Просека выглядела старой, заросшей кустарником. По ней не ездили годами.

— Посмотри на солнце, — тихо сказала Катя.

Я поднял голову. Небо — ровное, стального цвета, без единого просвета. Но свет лился откуда-то сбоку — тусклый, рассеянный, роняя длинные синие тени. Так бывает либо ранним утром, либо перед самой ночью. Мы выехали в полдень.

— Который час на твоих? — спросил я.

— Четверть пятого, — она ткнула мёртвым экраном. — Но часы в машине... Миш, сейчас апрель. Почему столько снега? Откуда такой холод?

Паника поползла снизу живота липкой волной. Это не весенний холод — сибирский, могильный, ноябрьский.

— Так, — я хлопнул себя по щекам, выжигая апатию адреналином. — План: здесь не оставаться. Замёрзнем. Видишь просвет? Идём туда. Найдём людей, деревню, хоть что-то. Главное — двигаться.

— А машина? — она оглянулась на перевёрнутый гроб.

— Заберём термос и аптечку.

В бардачке нашлись перцовый баллончик и бинт. В багажнике — чудом уцелевший термос с остывшим кофе. Я прихватил домкрат — тяжёлый, бесполезный, но железо могло стать оружием. Против кого? Против медведя? Против бескрайней тайги?

Мы двинулись. Идти по целине — пытка. Каждый шаг — усилие, ноги проваливаются, снег набивается в штанины, таёт и обжигает кожу. Катя отставала. Городская девочка, привыкшая таксовать, быстро выдыхалась в условиях выживания.

— Не могу, — простонала она через полчаса, прислонившись к кедру. — Ноги ватные.

Я обернулся. До места появления оставалось метров сто. Просека скрылась за поворотом. Мы шли около часа, ориентируясь на слабый уклон, но ландшафт не менялся: стена леса слева, стена справа. Бесконечный зелёный коридор.

И тут я заметил аномалию.

На уровне глаз, на коре сосны — вырезанная стрелка. Глубокая зарубка топором. Рядом — вторая. Они указывали в чашу, перпендикулярно нашему пути.

— Кто-то был здесь, — сказал я, приближаясь.

— Недавно? — в глазах Кати мелькнула надежда.

Я провёл пальцем по срезу. Дерево затягивало смолой — зарубке дня два-три. Но главное ждало внизу. Под снегом, у основания ствола, торчал ржавый металл. Я разгрёб снег ногой — табличка. Покрытая зеленоватой патиной медь, прибитая коваными гвоздями. Буквы стёрлись, но силуэты читались:

[ПРОСПЕКТ] до [НЕЧИТАЕМО] — 2 версты

Губернское правление — 5 верст

Поставленъ въ 189...

Последняя цифра съедена ржавчиной.

Восемьсот девяносто какой-то год.

Воздух вырвался из лёгких рывком. Две версты. Губернское правление. Буква «Ъ» на конце.

— Катя, — голос сел до хрипа. — Посмотри.

Она наклонилась. Филолог по образованию, она читала старые надписи лучше меня. И побледнела ещё сильнее — казалось, дальше некуда.

— Шутка? — выдохнула она. — Реконструкция? Исторический парк?

— В парках ставят пластик, — я смотрел на синеющие руки.

Мы переглянулись. Связь, что трещала по швам последние месяцы, восстановилась — нас объединял ужас. Первобытный, детский, чистый.

— Солнце садится, — Катя глянула на запад, где серое небо становилось почти чёрным. — Если останемся на ночь...

Она не договорила. Мы оба знали статистику: гипотермия убивает за часы.

Зарубки манили. След цивилизации. Человеческого безумия или нужды. Ловушка? Спасение? Стоять — смерть. Значит, вперёд.

— Идём по стрелкам, — решил я, перехватывая домкрат. — Держись за спиной.

Мы свернули в чащу. Ветви хлестали по лицам, рюкзак

бил по спине. Тайга смыкалась, поглощая звуки. Через двадцать минут лес изменился: появился подлесок, сухие кусты малины, жёлтая трава, торчащая из-под снега. А затем — спуск.

Всё круче, мы скатывались по склону в распадок. И там, внизу, куда почти не доставал серый свет, мы увидели дым.

Тонкая сизая струйка поднималась вертикально. Жильё. Печка. Тепло.

Надежда вспыхнула ослепительно. Мы побежали, оскальчиваясь, падая, набивая снег в рукава. Двадцать метров. Десять. Пять.

Поляна. Посреди — сруб. Настоящий русский пятистенник из бревен, почерневших от времени. Изба-пряник из сказок, только сказка эта написана Кингом. Крыша в снегу, труба дымит. Окна тёмные.

— Эй! — закричал я, выходя на утоптаный пятачок. — Есть кто живой?! Помогите!

Голос эхом ударился о стены и растворился. Ответ — тишина. Лишь ветер качнул ветку, сбросив нам на головы сугроб.

Мы поднялись на крыльцо. Три ступени скрипнули, как суставы древнего зверя. Дверь массивная, обитая шкурами. Я толкнул — заперто изнутри на деревянный засов.

— Может, бояться? — Катя дышала в затылок. — Думали, медведь.

— Засов толщиной с руку, — возразил я. — От медведей

не ставят.

Я ударил домкратом по доскам. Глухой, тяжёлый звук.

— Хозяева! Открывайте! Мы замерзли! Женщина больна!

За дверью — шорох. Не шаги. Сухой бумаги или ткани. Потом старческий, дребезжащий кашель. Голос без пола и возраста — будто говорил сам лес:

— Почто орете? Чай, не пожар.

— Нам нужна помощь! — выпалил я. — С трассы сбились. Машину разбило. Одни в лесу.

Долгая пауза. Треск дров в печи по ту сторону стены.

— С трассы, говоришь, — протянул голос, и в нём не было удивления. Только скучающая, смертельная усталость. — Много вас нынче с трасс слетает. Развело дорог, бесовских. Все прут и прут. Куда прете? Тут вам не город.

— Откройте, прошу! — взмолилась Катя. — Мы заплатим! Любые деньги!

За дверью мерзко хмыкнули.

— Деньги... Бумага твоя тёплая? От огня разгорится? Нет. А душу греет? Тоже нет. Зачем мне твои фантики, милок?

— Тогда что тебе надо?! — сорвался я. Контроль дал трещину. — Скажи! Еда? Водка?

Засов загремел. Медленно, тяжело — звук взводимого курка. Дверь приоткрылась на длину цепи. В щели сверкнул глаз. Один. Второй скрывала тень капюшона. Жёлтый, птичий, без белков.

— Аль вы слепые? — прошелестел хозяин. — Сами не видите, куда угодили?

— Мы в Подмосковьё! — рывкнул я. — Апрель!

Он изучал моё лицо своим нечеловеческим взглядом. Затем медленно, демонстративно перевёл взгляд на запястья — швейцарские часы, кольцо Кати, современные куртки. Втянул воздух ноздрями, приносясь.

— Конец Ноября, — повторил, смакуя. — Хорошее времечко. Да только звон нынче не тот. Звон-то январский. Рождественский пост ныне, дурья твоя голова. Семнадцатый день идём.

Семнадцатое января. Старый стиль? Новый? Неважно. Важно — сейчас должно быть тепло, а мы умираем от холода, когда за окнами — Апрель.

— Ты кто? — спросил я, и домкрат стал невыносимо тяжёлым.

— Сторож я, — ответил жёлтый глаз. — У этой двери сторож. Место такое — точка разрыва. Сюда много вашего брата сваливается. Тех, кто жизнь проспал да любовь на сошествиях растерял. Мир цельный только сверху. А копни — трещины везде. Вот вы в одну и ухнули. Когда рушится что-то большое — люди, страны, судьбы — обломки сюда сыплются. Мусор вселенной.

— Мы можем войти? — перебила Катя. Зубы стучали.

Сторож пожевал невидимыми губами.

— Вход пять копеек стоит, — усмехнулся. — Нынче ин-

фляция, возьму алтын.

— Какой алтын?! — взвыл я.

— Шучу, — оборвал он. — Вход бесплатный. Выход — дорогой. Ну-кась, заноси барышню, околеваает. Да железку свою оставь снаружи. Домовой не любит городского.

Цепь со звоном упала. Дверь распахнулась, выпустив облако пара — сухие травы, козий жир, палёная шерсть. Мы шагнули из белого ада в жёлтый полумрак русской сказки, не ведая, что цена выхода отсюда измеряется не золотом — а тем единственным, что мы не смогли сохранить: целым миром на двоих.

Дверь захлопнулась, отрезая назад. Навсегда или нет — зависело лишь от того, разгадаем ли мы загадку, которую подкинул этот сломанный мир. Загадку точки разрыва.

А что, если мир, в котором вы живёте, — лишь одна из страниц, и вы перевернули её, даже не заметив? И что, если дверь, что спасла вам жизнь, — на самом деле замок без ключа, а ваш единственный выход — вспомнить то, что вы потеряли, ещё не успев осознать потерю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.